

«СВЕТСКИЕ РЕЛИГИИ» И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ БАЛАНСА СИЛ

Т.В. Зонова

Основанные на балансе сил межгосударственные отношения и постепенная трансформация суверенитета правителя в суверенитет государства-нации благоприятствовали расцвету дипломатии. По завершении Тридцатилетней войны в Вестфале были разработаны более четкие правила дипломатического общения между государствами. Значительный рост числа государств позволял с особой изощренностью практиковать создание равновесных коалиций.

В среде политиков распространилось популярное сравнение Европы с большой шахматной доской, на которой государственные деятели и дипломаты с математической точностью двигают фигуры, создают изменяющие конфигурацию союзы и перебрасывают армии, постоянно возобновляя нарушенное равновесие. Смена союзов была обычной практикой, и это никого не шокировало. В качестве искусных демиургов подобной системы выступали такие известные государственные деятели и дипломаты, как Антон Кауниц и Клемент Меттерних. Профессия дипломата стала одной из самых престижных. Дипломаты обычно были знакомы друг с другом, их объединяло происхождение, воспитание, идеология и культура, и они причисляли себя к элите общества. Послы великих держав были окружены почитанием, к их мнению прислушивались правители. Дипломатическая жизнь отличалась блеском и нарочитой легкостью. Многие дипломаты, помимо основной работы, посвящали свободное время наукам и искусствам, писали книги, сочиняли музыку, занимались археологическими изысканиями.

Все это составляло картину расцвета так называемой классической дипломатии.

Французская революция и наполеоновские завоевания трансформировали европейскую административную систему управления. Абсолютные монархии уступали дорогу монархиям конституционным. Внешняя политика окончательно превратилась в самостоятельную отрасль государственного управления. На этом фоне получила распространение наполеоновская модель государственного администрирования. Для нее были характерны многие черты военной организации: максимальная централизация, единоначалие, суровая дисциплина, строжайшая ответственность чиновников. В то же время новая административная система отличалась предельной рациональностью, логичностью структуры, конкурсной системой приема на государственную службу. Дипломатическая служба была повсеместно реформирована.

В XIX столетии идея баланса сил в отношениях между государствами по-прежнему сохраняла свое значение. Все договоры, подписанные в период, последовавший непосредственно за Венским конгрессом, провозгласили восстановление баланса сил в качестве одной из приоритетных целей. В связи с утверждением принципа легитимизма, возобладавшего на Венском конгрессе 1814–1815 гг., правовым основам международных отношений и дипломатической службы стали уделять особое внимание.

Тем не менее среди правоведов-международников все большую популярность приобретала теория, в соот-

ветствии с которой вера в равенство всех суверенных государств, лежавшая в основе теории баланса сил, себя изжила¹. Уже в «Регламенте» 1815 г., определенном классы глав дипломатических представительств, было зафиксировано неравенство держав. Они подразделялись на великие державы с широкой сферой интересов (только эти державы могли обмениваться дипломатическими представителями в ранге послов) и державы с ограниченной сферой интересов (могли обмениваться посланниками и поверенными в делах). С течением времени в немецкой литературе появляется еще один термин — «мировая держава» (*Weltmacht*).

После Венского конгресса пять великих держав стали контролировать не только международную ситуацию, но и внутривосточное положение в различных странах. Формула «европейского концерта», основанного на убеждении, что великие державы должны действовать совместно для разрешения любого кризиса, просуществовала около четырех десятилетий, обеспечивая определенное стратегическое равновесие.

Однако антиклерикализм эпохи Просвещения, Французская революция и наполеоновские войны способствовали выходу на политическую арену новых социальных слоев, требовавших своего участия в государственной политике. Представители этих слоев, отталкиваясь от накопленного теоретического наследия, стали весьма эмоциональными проповедниками новых концепций националистического, социалистического и либерального характера. Каждое из предлагаемых этими концепциями видений будущего мироустройства подавалось как альтернатива существующего государственного строительства и ми-

ровой политики. Подобные идеи имели также тенденцию к превращению в набор непреложных догм, что позволяет рассматривать их как своего рода «**светские религии**».

Немалое место в новых схемах занимали будущие модели международных отношений и дипломатии, принципиально отличающиеся от прежних. Наиболее распространенной на европейском континенте стала теория «**национального принципа**», во главу угла ставившая идею исполняющей свою историческую миссию нации. Националисты резко критиковали теорию баланса сил, как не справляющуюся с задачей предотвращения войн. Конец войнам, по их мнению, должна положить идея нации. Еще в конце XVIII в. немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер писал: «Родина-мать никогда не пойдет войной на другую; отечества будут мирно сосуществовать и помогать друг другу, как это бывает в здоровой семье»². В середине XIX в. ему вторил французский историк Анри Мартен: «Существуют неоспоримые признаки того, что в течение ближайших лет вопросы национальные, помноженные на социальные проблемы, будут доминировать на нашем континенте. ... Государства созданы людьми, а Господом Богом — нации»³. Джузеппе Мадзини в своей последней 1871 г. работе «Международная политика» озвучил пророчества о возникновении в Европе ассоциации свободных братских наций, объединенных общими интересами⁴. Утверждения, что люди, объединенные узами общего языка и истории, становятся главными составляющими мировой политики, логично приводили к изменению взглядов на существовавшие границы. Прежняя концепция естественных границ сменялась концепцией границ между нациями.

¹ Идею суверенного равенства монархов отстаивал шведский король Густав Адольф еще в ходе Тридцатилетней войны; на Вестфальском конгрессе в поддержку этого принципа высказалась и шведская королева Христина.

² Цит. по: Meinecke F. *Cosmopolitanism and the National State*. Princeton, 1970. P. 29.

³ Цит. по: J. B. Duroselle. *L'Idée d'Europe dans l'histoire*. Paris, 1965. P. 209.

⁴ L. Salvatorelli. *Mazzini e gli Stati Uniti d'Europa / Miti e Storia*. Torino, 1966. Pp. 339.

Лидеры набравших в Европе силу движений **социалистического толка** выступали защитниками неимущих классов, социализм рисовался как справедливое общество, основанное на труде, равноправии и братских отношениях. Радикальный социализм призывал к революционному слому буржуазных институтов, а будущее мира виделось в отмирании государства и становлении всемирной республики народов. В том, что касается будущего внешней политики, адепты этого течения утверждали, что народы, уничтожив границы и упразднив государство, положат конец буржуазной игре в равновесие сил и империалистическим войнам. Впоследствии ярким выражением радикальных позиций стала деятельность Льва Троцкого на посту наркома иностранных дел. Как писали английские исследователи дипломатии, «советская дипломатия началась с упразднения дипломатии ... народный комиссар заявил, что его главная задача — напечатать революционные прокламации, а затем закрыть эту лавочку»⁵.

Либералы, чьи идеи приобрели наибольшую популярность в Великобритании, утверждали, что подлинные связи между странами должны обеспечиваться не министерствами внешних сношений и профессиональными дипломатами, а многочисленными неправительственными контактами, возникающими во время путешествий, интеллектуального общения и торговли. Наиболее популярный защитник фритредерства Ричард Кобден, последователь Бенгтама и физиократов и ярый противник политики протекционизма, любил повторять: «Мир придет на землю, когда люди в первую очередь будут иметь дело друг с другом, а потом уже с правительством. ... Мы выступаем только за то, что наилучшим образом служит христианскому миру —

осуществлять закупки на самых дешевых рынках и продавать на самых дорогих»⁶.

Представители всех трех идейных течений не оставляли места для традиционной теории баланса сил в международных отношениях и ставили под сомнение рациональность существующей модели дипломатии. «Идея сохранения баланса сил в Европе теряет почву, и есть надежда, что этот процесс продолжится», — писал известный бельгийский правовед, экономист и пацифист Эмиль де Лавлэ в своей книге «О причинах войны и средствах сократить их число»⁷. Творчество других авторов второй половины XIX — начала XX в., участников дискуссий о будущем международных отношений, свидетельствует об интенсивных поисках новой дипломатической теории, которая, в отличие от скомпрометировавшей себя теории «баланса сил», станет надежным гарантом стабильности и мира.

На этом фоне происходило постепенное усложнение структур дипломатических институтов и механизмов реализации внешней политики. Модификация исходных параметров, обусловивших становление современной модели дипломатии в эпоху Ренессанса, открывала перспективы иного мирового порядка. Распространение парламентских институтов и появление массовых политических партий, возникновение международных межправительственных и неправительственных организаций, пробивавший себе дорогу принцип свободы торговли — все это создавало новые рамки для выработки внешнеполитического курса. Возникал вопрос о границах государственного суверенитета, пришедшего на смену абсолютному суверенитету монарха. Прежняя идея его неделимости ставилась под сомнение и в связи

⁵ Keith Hamilton and Richard Langhorne. *The practice of diplomacy: its evolution, theory and administration*. New York: Routledge, 2000. P. 149.

⁶ Morley John. *The Life of Richard Cobden*. London: T. Fisher Unwin, 1905. Pp. 388–9.

⁷ Lavelaye E. De. *On the Causes of War and the Means of reducing their Number*. London, 1872. P. 8. Цит. по: Anderson M.S. *The Rise of Modern Diplomacy 1450–1919*. London and New York: Longman, 1993. P. 192.

с тенденцией отделения церкви от государства.

Политизация дипломатии выразилась во все более пристальном интересе общественного мнения к проблемам мировой политики. В конституционных монархиях и республиках министр иностранных дел был обязан периодически появляться в законодательном собрании с целью разъяснения внешнеполитического курса страны. В министерствах иностранных дел появилась должность заместителя министра по связям с парламентом. Депутаты парламента создавали комитеты и комиссии, курирующие вопросы внешней политики. В их задачу входила подготовка законопроектов, касавшихся механизма принятия внешнеполитических решений. В законодательные собрания поступали на ратификацию международные соглашения и договоры, подписанные с другими странами. Вотиrowание бюджетных ассигнований давало парламентариям мощный рычаг влияния на дипломатическую службу.

В то же время и во второй половине XIX — начале XX в. официальная внешнеполитическая линия европейских кабинетов по-прежнему основывалась на теории баланса сил. Менялось лишь содержание этого баланса. Политика равновесия все чаще выражалась в соперничестве и взаимных уступках держав, претендующих на колониальные владения в Азии и Африке. Тот же Кобден настойчиво указывал, что никакого баланса нельзя добиться без включения в его параметры американского континента, прежде всего Соединенных Штатов⁸.

Систему европейского баланса, в центре которого находилась бы Германская империя, пытался реализовать Отто фон Бисмарк. Его знаменитая формула — «всегда втроем» — подразумевала союзы Германии с тремя из пяти великих держав, где Германия заняла бы лидирующие позиции. Бурное развитие

промышленности и возросшая способность быстрой мобилизации национальных ресурсов способствовали торжеству бисмарковской *Realpolitik*, преследовавшей цель возвышения собственного государства. Как остроумно подчеркивает Г. Киссинджер: «Система Меттерниха отражала концепцию XVIII в., когда вселенная представлялась огромным часовым механизмом с идеально подогнанными друг к другу деталями, так что порча одной распространялась и на все прочие. Бисмарк же, будучи представителем новой науки и политики, воспринимал вселенную не как некую общность, находящуюся в механическом равновесии, но в ее современной версии: как состоящую из частиц, находящихся в непрерывном движении и взаимодействии друг на друга, что и создавало реальность»⁹.

Последующий крах системы Бисмарка разделил Европу на два противостоящих альянса. Сложные комбинации больших, средних и малых государств, участвовавших в системе баланса сил в предшествующие столетия, сменились гораздо более простыми альянсами двух-трех великих держав, пытающихся взаимно уравновесить друг друга. На смену европейскому концерту пришло ничем не сдерживаемое соперничество.

И действительно, в ряде стран, и прежде всего в Германии, все громче звучали требования отвергнуть принцип баланса сил, якобы препятствующего свободе действий держав и снижающего эффективность политики каждой из них. Многие немцы были уверены, что Великобритания своекорыстно эксплуатирует принцип равновесия и туманный Альбион заинтересован сеять рознь на континенте, извлекая из этого политическую и коммерческую выгоду. Радикально настроенный прусский генерал Фридрих фон Бернхарди заявил, что принцип баланса сил, с Венского конгресса лежащий

⁸ John Morley, op. cit.

⁹ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 111.

в основе ничем не оправдываемой политики, надо полностью игнорировать¹⁰.

В Великобритании политики воспринимали подрыв традиционного равновесия в Европе как тенденцию, способную повлиять на судьбы мира роковым образом. Так, Бенджамин Дизраэли заявил в 1871 г.: «Не осталось ни одной дипломатической традиции, которая не была бы сметена. ...Равновесие сил разрушено целиком и полностью»¹¹.

В годы, предшествующие Первой мировой войне, следование принципам силовой политики привело к возрастанию зависимости от военного потенциала и превращению военного могущества в наиважнейший критерий национального величия, что побудило политиков

к безудержной гонке вооружений и конфронтации. Все реже раздавались рассуждения о единстве и гармонии древнейших стран Европы. Внешняя политика во многом была принесена в жертву военной стратегии, сводившейся, в сущности, к технократическому расчету соотношения сил. Возрастающее значение военного фактора, по образному выражению испанского исследователя Карлоса Гарсия, стало «красноречивым доказательством победы древнего и всемогущего идола, называемого государственным интересом»¹². В этих условиях дипломатам становилось все труднее оспаривать требования отечественных военных ведомств. Классическая система европейского баланса уходила в прошлое.

¹⁰ General F. von Bernhardi. *Germany and the Next War*. London, 1912. Pp. 107–109. Цит. по: Anderson M.S. *Op.cit.* P. 201.

¹¹ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 117.

¹² Garcia C. *France and Spain: Naturally Enemies*. London. 1953. P. 33.